

РУССКИЕ КАК КОСМОС (ОТКРОВЕНИЕ И ПРОРОЧЕСТВО КАК ЖАНР ПУБЛИЦИСТИКИ У Е.Д. ЛУЧЕЗАРНОВОЙ И Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО)

THE RUSSIAN PEOPLE AS THE SPACE
(REVELATION AND PROPHECY
AS A GENRE OF JOURNALISM
IN THE WORKS FROM E.D. LUCHEZARNOVA
AND F.M. DOSTOEVSKY)

V. Kichigina

Annotation

This article is devoted to comprehension of statements E. D. Luhezarnogo about Russia and Russians, are presented in the context of the Russian philosophical cosmism. The question is considered from the point of view of genre peculiarities of the text presented in the book "Thoughts and aphorisms", in relation to journalistic presentations of F. M. Dostoevsky in the magazine "writer's Diary". The author comes to the conclusion that to the reader – two revelations of Russia, made at intervals of fourteen decades. They have in common journalistic form of the utterance, its orientation towards the widest circle of readers. Both authors make the domain want to know their innermost thoughts. They are similar in the awareness of the paradoxical nature of the world mission of Russia that is associated with overcoming (in ourselves first, and then around him) the worst side of human nature. Their stylistic manner makes a few times to re-read already read, finding in it all new shades of meaning. However, the way the author presents in the text, is fundamentally different. If Dostoevsky is a writer, the prophet, suffered their gift price painful understanding of the contradictions of life, E. D. Luhezarnogo is deprived of the personify the impulse the brain of the reader to the mode of revelation.

Keywords: Russian, Russia, cosmism, journalism, context, prophecy, revelation, emptiness, consciousness, poetics, philosophy, novelty.

Кичигина Виктория Викторовна
К.филол.н., доцент,
Белгородский государственный
университете (НИУ "БелГУ")

Аннотация

Данная статья посвящена осмыслению высказываний Е.Д.Лучезарновой о России и русских, представленных в контексте русского философского космизма. Вопрос рассматривается с точки зрения жанрового своеобразия текста, представленного в книге "Размышления и афоризмы", в сопоставлении с публицистическими выступлениями Ф.М.Достоевского в журнале "Дневник писателя". Автор статьи приходит к выводу, что перед читателем – два откровения о России, сделанных с интервалом в четырнадцать десятилетий. Их роднит публицистическая форма высказывания, обращённость к самому широкому кругу читателей. Оба автора делают достоянием желающих знать свои сокровенные размышления. Они близки в осознании парадоксальности мирового предназначения России, связанного с преодолением (сначала в себе, а затем вокруг себя) худших сторон человеческой натуры. Их стилистическая манера заставляет несколько раз перечитывать уже прочитанное, находя в нём всё новые оттенки смысла. Однако образ автора, представленный в тексте, принципиально отличен. Если у Ф.М.Достоевского это писатель–пророк, выстрадавший свой дар ценой мучительного осмысления противоречий жизни, то у Е.Д.Лучезарновой – это лишенный персонификации импульс, побуждающий мозг читателя к работе в режиме откровений.

Ключевые слова:

Русские, Россия, космизм, публицистика, контекст, пророчество, откровение, пустота, сознание, поэтика, философия, новизна.

Вопрос о границах человека в его стремлении к самопознанию возникает совершенно естественно в любую эпоху. Что это за границы– тело, душа, дух, планета, ближний или дальний космос, вечность, бесконечность?.. На наш взгляд, всё разнообразие форм культуры зависит от ответа на этот вопрос. И будущее человечества в конечном итоге определяется тем, какие границы признает абсолютными большинство. Максимально раздвинуть стереотипное представление о мире и человеке предлагает автор книги "Размышления и афоризмы" Е.Д.Лучезарнова.

Е.Д.Лучезарнову трудно назвать просто писателем. Совмещая талант поэта, драматурга, прозаика и публи-

циста, она даёт целостную систему представлений о мире метафилософского характера. Неслучайно данная книга издана в серии "Современный русский космизм". Для русского космизма, по мысли А.Русских, характерны "преобладание целого над частями, телеология, идеализм, антропология, утверждающая эволюцию человека, публицистический и художественно–мистический способ философствования" [10, с. 9–10]. В истории отечественной литературы эта традиция просматривается от Ф.И.Тютчева и В.Ф.Одоевского до Д.Андреева. Особого внимания достойно творчество тех художников слова, кто пытался совместить или, точнее, выразить сложную философскую систему посредством художественных образов, – Ф.М.Достоевского, В.Соловьёва, того же Д.Андре-

ева. Естественно, что фундаментальное исследование творческого наследия русских космистов затруднено, хотя бы в силу того, что каждый из них опирается на собственный уникальный духовный опыт. Отчасти и поэтому единой ёмкой концепции русского космизма пока не существует, однако уже сейчас можно отметить, что "духовный, научный и творческий потенциал русского космизма, его проективная направленность и оптимистический взгляд на будущее делают это течение все более привлекательным для наших современников" см.: [3].

"Размышления и афоризмы" – это сборник высказываний автора на самые разные темы, затрагивающие жизнь современного человека: о безграничной Вселенной, о деньгах, религии, саморазвитии человека, добре и зле, времени, энергии и информации, власти, специфике культур и т.д. Одним из самых интересных аспектов размышлений автора, на наш взгляд, являются её высказывания о России и русских.

Тема России для сознания, выражающего себя на русском языке, всегда будет актуальна, однако, как показывает новая история, она актуальна и для других народов. Начиная с XVI века, в котором оформилась теория "Москва – третий Рим", и до настоящего времени проблема русской власти, русского бунта, русского характера, загадочной русской души и мирового предназначения России – от "империи зла" до "спасительницы мира" – стоит остро и нерешенно. Проекция русской культуры на мировую несомненна и необъяснима. Е.Д.Лучезарнова суть русских объясняет следующим образом: "Начнём с того, что русских нет, никогда не было и никогда не будет, потому что при приходе любого разума образуется вакуумная пустота. Русские являются пустотой..." [5, с.74]. "ни за один народ нет столько боли, поскольку быть ничем – это всегда очень больно, наверно. Всегда хочется прожить и сказать: "Как? Это же я" (с.83).

В этих коротких высказываниях сразу обращает на себя внимание их парадоксальность, которая заставляет мозг выйти из привычного стереотипа: как можно быть пустотой, если пустота – это то, чего нет? Автор объясняет – это больно, больно быть пустотой. И ты, как ни странно, соглашаешься, – да, это больно, поскольку ты русский, и эта боль – часть твоего личного опыта. А дальше, чтобы понять автора, необходимо следующий шаг сделать и представить себя пустотой, осознав, что нечто, находящееся между реальными опорами, тоже есть реальность, и она существует: "Если мы сравним сейчас все страны со звёздным небом, то все остальные народы есть звёзды, а русские – это то, что между звёздами" (с.83). И дальше – совершенно неожиданный в причинно-следственном поле вывод: "Поэтому из любого русского можно всё сделать; он будет прекрасным актёром, может сыграть огромное количество ролей..." (с.83). И ты снова соглашаешься со следствием, не понимая причины, – да, действительно, русские – прекрасные актёры с уникаль-

ной школой, – это есть в твоём опыте, значит, и причина тоже есть в нём, осталось только открыть её для себя.

Мысль автора иногда кажется антиномичной. "Русский – человек в высшей форме его существования, человек, который постоянно над Землёй" (с.80). Обыденному сознанию трудно связать это высказывание с предыдущим о том, что русских нет. "Но зато у него есть то, чего нет ни у кого больше на этой Земле: у него есть право на разум, право на обсуждение, у него есть право на логику" (с.81). Пытаясь соединить, казалось бы, несоединимое, ты своим отформатированным филологическим образом умом понимаешь, что должно быть нечто третье – то пространство, которое вмещает в себя и постулат о том, что русских нет, и о праве русских на логику. И в этом космосе постигаешь, наконец, что тело и имя, такие неразделимые с рождения, живут каждый по своим законам. И то, что очевидно для органов зрения, может быть совершенно неприемлемым для органов слуха. Этот вывод, казалось бы, прямо не следует из строк автора, но он следует из твоей попытки понять эти слова. И уже самому хочется войти между этими, такими вроде бы знакомыми, словами и уловить, наконец, ту самую пустоту, из которой эти слова рождаются.

Антиномичное письмо – не новость в истории философии. На стыке философии и литературы им прекрасно владел В.В.Розанов, который возвёл колебание в принцип, "единственный, который твёрд" [9]. Возможно, сам жанр – размышления и афоризмы – соотносящийся с розановскими "Опавшими листьями", диктует подобную форму выражения. Однако амплитуда "маятника" Е.Д.Лучезарновой выходит далеко за размеры привычного: "Почему здесь так много героев – потому что русские никогда не жили, не рождались и не умирали, они не представляют, что такое "смерть", для них её не существует. И даже если им говорится о страхе смерти, то он им просто может навязываться. На самом деле, у русских нет страха смерти, так же, как и нет страха жизни, потому что у них ничего нет" (с.79). Так через ничто автор объясняет, казалось бы, вечные загадки жизни и смерти и снова оставляет читателя перед большим вопросом: из какого измерения рождаются эти слова, почему при прочтении возникает смешанное желание прекратить и продолжить читать одновременно? Попытка определить закономерности языка и стиля Е.Д.Лучезарновой наталкивается на непривычные трудности – автор больше тебя, и реальность, которую он считает нужным проявить, является только частью огромного контекста, о котором ты пока не имеешь представления, но уже начинаешь о нём догадываться.

Впрочем, можно и не пытаться постичь причину, обнаружить знакомый смысл в этих простых по форме, но часто неуловимых по объекту и субъекту высказывания предложениях. Тогда раздражение и отторжение станет закономерным итогом прочтения данной книги. Она ад-

ресована всем, стоит недорого, приобретается легко, но доступна не каждому. Это ещё один парадокс текстов Е.Д.Лучезарновой. Возможно, поэтому число её читателей вполне соотносится с числом противников. Это не хорошо и не плохо, а показательно, поскольку "знания о мире и человеке, особенно те, что формируют ценности, нуждаются в постоянной перепроверке и, как сказал бы Карл Поппер, фальсификации. Истину убивают равнодушные, а не критика" [7, с.3].

Действительно, трудно остаться равнодушным, читая "запредельные" откровения автора "Размышлений и афоризмов". Возможно, откровение – это именно то определение, которое позволяет приблизиться к пониманию формы данных высказываний. В его семантическом поле заключен большой контекст, связанный с этапами духовного становления человека. Какой-то гранью смысла с ним соотносится и понятие "пророк". Именно в этом поле нам и хотелось бы провести следующее сопоставление.

Ещё во второй половине 19 века парадоксальность построения фразы, обращённость к читателю, способному увидеть целое за частностями жизни, невероятная, часто вызывающая возмущение стереотипной реакции правда о человеке и обращённость к идеальному, трудно постижимому образцу стала неотъемлемой частью поэтики Ф.М.Достоевского. Теперь уже трудно представить, какую бурю эмоций вызывали романы писателя и его публицистические выступления. Так, П.В.Анненков, например, писал И.С.Тургеневу: "Хорошо сделали, что отказались от намерения войти в диспут с одержимым бесом и святым духом одновременно Достоевским: это значило бы растравить его болезнь и сделать героем в серьезной литературе – пусть останется достоянием фельетона, пасквиля, баб, ищущих бога, и России для развлечения и студентов с задатками черной немощи, это его настоящая публика" [11, с. 578].

Таким образом, сами "собратья по перу" отказывали автору "Преступления и наказания", "Идиота", "Бесов", и уже даже "Братьев Карамазовых", в причастности к "серьёзной литературе".

Пройдет совсем немного времени после смерти писателя, и о его значении для собственного творчества с гордостью станут говорить американские и японские художники слова, французские экзистенциалисты; прямое влияние философии человека, сформулированной героями Достоевского, ощутит на себе Фридрих Ницше; отталкиваясь от пронзительных откровений "подпольных" людей, создаст систему психоанализа Зигмунд Фрейд. А автор теории относительности А.Эйнштейн скажет, что Достоевский дал ему "больше, чем любой научный мыслитель, больше, чем Гаусс" [8, с. 162], а ведь Гаусс – это великий математик и физик, чьи работы и формулы вошли во многие учебники и изучаются до сих пор.

Для читателей отечественной культуры не менее важен тот факт, что именно антропология Достоевского лежит в основе идей русского космизма, поэтому представляется особенно интересным сопоставить высказывания о России и русских двух таких оригинальных мыслителей, как Ф.М. Достоевский и Е.Д. Лучезарнова.

О пророческом даре Достоевского заговорили лишь в конце его жизни. "Я читала вещей "Братьев Карамазовых" Достоевского и наслаждалась психическим анализом (...), чувствуя, как в душе все перебирается и укладывается по уголкам, все хорошее и мелкое. Благодаря "Братьям Карамазовым" можно переработаться и стать лучше" (В.Н. Третьякова) [4, с. 124–127]. Сам Достоевский буквально повторяет слова В.Н. Третьяковой, делясь впечатлениями о вечере в Дворянском благородном собрании с А.Г. Достоевской: "... бездна людей, молодежи и седых дам бросались ко мне, говоря: вы наш пророк, вы нас сделали лучшими, когда мы прочли "Карамазовых"" [2, с.345].

Называя автора "Братьев Карамазовых" пророком, а сам роман вещим (а определения такого рода можно встретить неоднократно), многочисленная аудитория Достоевского имела в виду, вероятно, не только и не столько его провидческий дар (трудно судить о нем современнику), сколько способность увидеть сокровенный смысл в очевидной для всех истине, ведь в каноническом понимании пророк – это не только "лицо, одаренное божественным даром предвидения и предсказания", но и лицо, "возвещающее народу волю Божию", "создатель религиозно-нравственного уклада" [6].

Способность прозревать действительность читателя и исследователи Достоевского обнаружат много позже, уже в XX веке, соотнося его, в первую очередь, с историей и идеологией революции, удивительно точно прописанных в романе "Бесы" почти за 50 лет до октябрьского переворота.

Прижизненная же популярность во многом связана с публицистической деятельностью писателя. В последние годы жизни его журнал "Дневник писателя" пользуется колоссальным успехом, он во многом способствует тому, что читатели Достоевского приближаются к нему, могут побеседовать на интересные темы, не только связанные с вечными, но и самыми злободневными вопросами. На страницах "Дневника писателя" Достоевский высказывается прямо, размышляя о политике, экономике и литературе, о войне и мире, о настоящем и будущем Европы.

Именно здесь, в фокусе настоящего, неожиданно проявляется пророческий дар писателя, оценить который оказалось возможным только сейчас, почти через 140 лет, когда политическая карта мира, казалось бы, изменилась неузнаваемо. В "Дневнике писателя" за 1877 год

уделяется большое внимание славянскому вопросу в связи с очередной русско-турецкой войной 1877–1878 гг. Так называемый Восточный вопрос поднимался в связи с освобождением русскими Болгарии от турецкого ига. Несколько статей сентябрьского, октябрьского и ноябрьского номеров журнала посвящены размышлениям на эту тему. В настоящее время видимое отсутствие актуальности вряд ли привлекает большое количество современных читателей к данному тексту, однако именно здесь Достоевский прописывает судьбу России на ближайшее столетие.

"Хочу сказать одно совсем особое слово о славянах, которое мне давно хотелось сказать. Не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными! И пусть не возражают мне, не оспаривают, не кричат на меня, что я преувеличиваю и что я ненавистник славян!

Я, напротив, очень люблю славян, но я и защищаться не буду, потому что знаю, что всё точно так именно случится, как я говорю, и не по низкому, неблагодарному, будто бы, характеру славян, совсем нет, – у них характер в этом смысле как у всех, – а именно потому, что такие вещи на свете иначе и происходят не могут..." [1, с. 77–78]. Убежденность писателя такова, что, как у настоящего пророка, не нуждается в аргументах ("знаю, что всё точно так именно случится, как я говорю").

Завершающие строки этого слова стилистически акцентируют пророческий формат, указывая на ещё один возможный вариант развития: "Если нации не будут жить высшими, бескорыстными идеями и высшими целями служения человечеству, а только будут служить одним своим "интересам", то погибнут эти нации несомненно, окоченеют, обессилеют и умрут. А выше целей нет, как те, которые поставит перед собой Россия, служа славянам бескорыстно и не требуя от них благодарности, служа их нравственному (а не политическому лишь) воссоединению в великое целое. Тогда только скажет всеславянство свое новое целительное слово человечеству... Выше таких целей не бывает никаких на свете. Стало быть, и "выгоднее" ничего не может быть для России, как иметь всегда перед собой эти цели, всё более и более уяснять их себе самой и всё более и более возвышаться духом в этой вечной, неустанной и доблестной работе своей для человечества" (с. 82).

В этих словах обращают на себя внимание три момента. Во-первых, размышления о том, что освобожденные Россией "славянские племена" обязательно повернутся к ней своей худшей стороной; во-вторых, указание на высшее, бескорыстное служение России идеалам нравственности, а не сиюминутным политическим устремлениям и, в-третьих, осознание происходящего как

отражение неких, известных писателю, но неизвестных читателю закономерностей жизни ("именно потому, что такие вещи на свете иначе и происходят не могут"). Следовательно, общее, всенародное неприятие России – это часть её миссии, черта её уникальности и предназначение, проброшенное далеко в будущее*.

* О пророчестве как черте поэтики Ф.М.Достоевского более подробно см.:

Кичигина В.В. Пророчество как черта поэтики позднего Достоевского.// Научные ведомости Белгородского государственного университета. Научный рецензируемый журнал. Гуманитарные науки. Филология. Журналистика. Педагогика. Психология, № 24 (221), вып.28. Декабрь 2015, с.25-30.

В "Размышлениях и афоризмах" Е.Д.Лучезарновой, есть следующие строки: "Мозг и разум обязаны быть пустотой. И только тот разум, который есть пустота, будет переходом, неким звёздным мостом между уже существующим и тем, что должно существовать всегда. Поэтому русские, эта нация, если можно её так назвать, постоянно пытается кого-то единить, и, присоединяя к себе, она теряет себя полностью и делает это с огромным удовольствием. И когда те малые народы потом от неё уходят каким-то образом, она совершенно теряется..." (с.76). Возникает ощущение, что эти слова – часть диалога, заданного в 1877 году, но расширяющего границы причинно-следственного поля Достоевского до наших дней.

Писатель девятнадцатого века приводит читателя к мысли о сакральной миссии, исполняемой Россией в общеевропейском и мировом контексте: "...для чего: для того, чтоб жить высшею жизнью, великою жизнью, светить миру великой, бескорыстной и чистой идеей, воплотить и создать в конце концов великий и мощный организм братского союза племен, создать этот организм не политическим насилием, не мечом, а убеждением, примером, любовью, бескорыстием, светом; вознести наконец всех малых сих до себя и до понятия ими материнского ее призвания – вот цель России, вот и выгоды ее, если хотите" (с.81). Таким образом, Ф.М.Достоевский расширяет круг малой семьи с её обыденными раздорами и склоками до понимания единой семьи славянских народов и функции России как матери этих подрастающих детей, объединяющей силой материнской любви в единое целое.

А Е.Д.Лучезарнова выводит происходящее на планете на уровень проявленной Вселенной: "Предназначение России – быть очень избирательными, и от каждого народа вбирать лучшее. Если же русские становятся неразборчивыми, они, к сожалению, берут совсем не то. Так что основное предназначение русских – от каждого народа взять самое-самое главное и всё это состыковать вместе в красивую гармонию светил, чтобы каждому было место, у каждого было какое-то пространство свободное. Как небо, оно же прекрасно, и ни одну звезду нельзя оттуда изъять, ни одну нельзя вставить" (с.72).

Перед нами два откровения о России, сделанных с интервалом в четырнадцать десятилетий. Их роднит публи-

цистическая форма высказывания, обращённость к самому широкому кругу читателей.

Оба автора делают достоянием желающих знать свои сокровенные размышления. Они близки в осознании парадоксальности мирового предназначения России, связанного с преодолением (сначала в себе, а затем вокруг себя) худших сторон человеческой природы. Их стилистическая манера заставляет несколько раз перечитывать уже прочитанное, находя в нём всё новые оттенки смысла. Однако образ автора, представленный в тексте, принципиально отличен. Если у Ф.М.Достоевского это писатель-пророк, выстрадавший свой дар ценой мучительно-го осмысления противоречий жизни, то у Е.Д.Лучезарновой – это лишенный персонификации импульс, побуждающий мозг читателя к работе в режиме откровений.

Ощущение преемственности – одна из важнейших опор для преодоления кризиса. Трагедия происходит тогда, когда распадается связь времён. Время меняется, и каждый мыслитель ощущает его по-своему, но все они едины в постижении закономерностей проявления человека в мире, осознанием своего предназначения в нём. В этом процессе "русская" тема даёт возможность и ощутить, и раздвинуть границы самоидентификации, выводя её в контекст русского космизма. Используя метафору Е.Д. Лучезарновой можно сказать, что на этом небе сияют звёзды разной величины.

Яркость и спектр их излучения различны, но все они необходимы человеку, желающему вырваться за пределы обыденной реальности для того, чтобы, обернувшись, увидеть в ней отражение своего звёздного начала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. XXVI. Л.: "Наука", 1984. Далее цитирую по этому изданию с указанием страницы в скобках.
2. Достоевский Ф.М., Достоевская А.Г. Переписка. Л.: Наука, 1976. – 490 с.
3. Исакова Н. В. Феномен глобальности в философии русского космизма: Автореферат Дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03: Краснодар, 2004.
4. Литературное наследство, том 86. М., "Наука", 1973.
5. Лучезарнова Е.Д. Размышления и афоризмы./Е.Д.Лучезарнова, Авторский Центр "РАДАТС". – М.: Академический проект, 2016.– 256 с. Далее цитирую по этому изданию с указанием страницы в скобках.
6. Малый энциклопедический словарь. Т.П. вып. IV–й. Изд-е Брокгауз–Эфрон. Спб., 1909. С. 1095
7. Мезенцев С.Д. Об авторе и его философии. // Лучезарнова Е.Д. Размышления и афоризмы./Е.Д.Лучезарнова, Авторский Центр "РАДАТС". – М.: Академический проект, 2016. С.3–7.
8. Мошковский А. Альберт Эйнштейн. Беседы с Эйнштейном о теории относительности и общей системе мира. М.: Раб.просв., 1922.
9. Розанов В.В. Литературные и политические афоризмы.// Новое время, 1910, 25 ноября. Цит.по: Розанов В. В. Религия. Философия. Культура. М., 1992.
10. Русских А. Русский космизм: генезис и современность.// Лучезарнова Е.Д. Размышления и афоризмы./Е.Д.Лучезарнова, Авторский Центр "РАДАТС". – М.: Академический проект, 2016. С.8–19
11. Тургенев И.С. Собр. соч. в 12–ти тт.: Т.12. Письма /примечания/. М., 1956. С. 578.

© В.В. Кичигина, [vikdara@rambler.ru], Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

